

ЗАПИСЬ I

УЧЕБКА

В свою первую учебку я попал из армии, не прослужив и полгода.

— Соберите вещи, документы, сдайте постель старшине и через двадцать минут стойте у КПП, — приказал дежурный по части. — И подшейте свежий воротничок. Смотреть противно!

Через двадцать минут я стоял у КПП с вещами.

— Ты что ли на комиссию? — спросил водитель подъехавшей почтовой машины. — Садись по-быстрому.

Машина тронулась, и покатилась вместе с ней моя жизнь в совершенно удивительном направлении.

— Курить не найдется? — спросил водитель.

Я отрицательно мотнул головой. Водитель вздохнул и достал из бардачка свои.

Я ехал, подпрыгивая на изношенном сиденье, смотрел на проносящуюся мимо гражданскую жизнь и тихо радовался неожиданно свалившейся на меня передышке от порядком надоевшей казарменной рутины.

— Прибыли. Пожевать чего нету?
Я снова замотал головой.

В коридоре, где располагалась комиссия, гул стоял как в бане в воскресный день. Молодые ребята-«стригунки» одинаковые, как только что выпавшие из-под пресса медные пятаки, бродили, бестолково тычясь в двери кабинетов, одевались, раздевались, отвечали: «Я!», когда выкрикивали их фамилии, обменивались впечатлениями, курили украдкой в туалете. И так же, как все, я бродил, раздевался, одевался, заглядывал в двери, робея перед суроюй настойчивостью отборочной комиссии.

— Сядьте. Встаньте. Наклонитесь, — требовали врачи.

— Скажите: «Свисток свистел шепотом».

— Татуировки, родинки, шрамы есть?

— Повернитесь. Еще. Поднимите руки. Опустите. Всё чисто.

— Высоты, темноты, замкнутого пространства боитесь?

— Какого пространства?

— Под диваном в детстве не боялся сидеть?
А в погребе?

— У нас не было погреба.

— Ладно, иди.

— Во сне разговариваете, храпите?

— Я не знаю, я во сне сплю...

Всё происходящее напоминало мобилизационную комиссию. Но бросалась в глаза какая-то однотипность всех призывников — средний рост, средняя комплекция, даже внешность какая-то усреднённая. Все отслужили в частях не больше

ОБЕТ МОЛЧАНИЯ

полугода, все без предупреждения были сняты с мест, никому ничего не объяснили.

— Куда нас отбирают? — бесконечно гадали мы. — В подводники, что ли?

— Ага. В подводные танкисты, — подмигивали шутники.

— Как это?

— А так. В танки запрут и в море бросят Плавай.

Постепенно толкотня в коридорах убывала, призывников оставалось все меньше и меньше. К вечеру на стульях у стен сидело десятка три, покрывшихся от холода пупырышками, «счастливцев».

— Стройся! — приказал старшина саженного роста и, не без иронии поглядывая на наши впалые животы и болтающиеся на подвздошных костях безразмерные армейские трусы, скомандовал: — Всем одеваться и в автобус. Быстро! Вояки. Тоже мне...

— А куда мы едем?

— В карантин.

— Так мы его уже проходили в частях.

— То был карантин, а это будет карантин! — многозначительно объяснил старшина. — Ну, да вы сами поймете. Больше вопросов нет? Тогда — айда!

Карантинные странности начались сразу же. В казарме не было дневальных и обычной в таких случаях наглядной агитации. Зато между койками стояли полутораметровые перегородки из крашеной фанеры. То есть каждый спал как бы в своей маленькой келье, а не на глазах

сотни сослуживцев, как в обычной казарме. Форма была без погон и знаков различия. Никто не орал утром: «Подъем!», все поднялись сами и недоуменно слонялись по казарме. Казалось, о нас напрочь забыли.

— Нет, ну видели мы бардак в армии, но не до такой же степени! — удивлялись «старики», отслужившие в частях на один-два месяца больше остальных, — это что-то вообще!..

Наконец явился давешний старшина.

— Встали? — как-то совершенно по-домашнему спросил он. — Тогда шагом марш в баню и столовую.

И в последующие дни нас не заставляли делать ничего из того, к чему мы успели привыкнуть за месяцы службы. Мы не бегали кросссы, не стреляли, не отжимались, не ходили в наряды. Целыми днями мы общались с неразговорчивыми (если это не касалось их специфики) личностями в белых халатах, накинутых поверх армейских кителей, сутками сидели в темных, беззвучных комнатах, безропотно позволяли оклеивать себя датчиками и опутывать проводами. Мы перестали замечать присутствие глаз телекамер, закрепленных в учебных классах, казарме, столовой и даже курилке. Привыкли к ежедневным отчетам о «прожитом дне», где подробно описывали все, вплоть до снов, случайных мыслей и оброненных слов.

Мы утомились от бессмысленного однообразия и уже не хотели ни учебки, ни будущей единственной службы. Иногда без предупрежде-

ния, без каких-либо видимых причин кого-нибудь из курсантов вызывали и больше мы его не видели.

— Еще одного выпустили на свободу, — шутили мы не без зависти, глядя на опустевшую койку.

И продолжалась эта непонятная тягомотина не месяц и не два. Наконец однажды нас собрали в классе.

— Вот что, ребятки, не будем ходить вокруг да около. Вы прошли достаточно серьезный отбор и психологическую подготовку, чтобы говорить с вами напрямик, — по-военному рубанул высокий (если судить по суете, устроенной выше него нашим начальством) чин в гражданском. — Солдатчина для вас кончилась. Вы не пушечное мясо, рассчитанное на одну атаку, вы предназначены для выполнения строго конфиденциальных заданий, о характере которых я пока говорить не имею права. Придет время — узнаете. А пока будет учеба. Наверное, она вам покажется странной. Даже очень странной. Не берите в голову. Это не ваши проблемы. Учитесь себе, лишних вопросов не задавайте, все равно на них никто отвечать не будет. Тот, кто выдержит последующий аттестационный экзамен, имеет шанс задолго до своих однополчан оказаться дома, что, согласитесь, стимул. Но для этого придется, ох, как потрудиться.

В справедливости последних слов нам пришлось убедиться уже на следующий день. Занятия длились с раннего утра до позднего вечера с короткими перерывами на завтрак, обед

и ужин. Но даже за едой мы не могли расслабиться. Каждый раз, несказанно удивляясь происходящему, мы ели по-разному: за длинными свежеоструганными деревенскими столами и прекрасно сервированными, покрытыми крахмальными скатертями, ресторанными столиками, вкушали флотский борщ в неожиданно объявившейся в нашем сухопутном здании судовой кают-компании и пили чай, сидя на кошмах в расставленной на плацу походной юрте, вскоре перекусывали тушенкой, подогретой на выхлопной трубе бульдозера, и грызли мороженую, только что вытащенную из специального морозильника строганину, пробовались сырьими лягушачьими лапками, глотали дождевых червей, улиток, слизней и пропущенную насекомовидную гадость, составлявшую аварийный рацион. Мы ели ложками, руками, восточными палочками и дюжиной рыбных, мясных и фруктовых ножей и вилок, учились правильно вытираять губы и пальцы бумажными салфетками и рукавами и подолом ватника.

Мы добивались правильной интонации отрыжки, допускающейся за столом у некоторых южных народностей. Мы должны были твердо знать, какие блюда для какой географической зоны наиболее характерны.

Мы заново учились курить! Держали в пальцах изящный «Мальборо» и козы ножки, свернутые из газет. Пускали дым вертикальными струями и кольцами.

Использовали кальян и пробовали анашу. Мы научились выбрасывать сигареты из пачки

ударом ногтя и закидывать их в рот щелчком пальцев.

Но это были не самые большие странности, ожидающие нас в учебке.

Мы изучали основы грима, накладывали патчи, клеили бороды и усы, рисовали шрамы, свежие ссадины и татуировки. Мы учились перешивать одежду, носить женские платья, колготки и туфли на высоком каблуке. Мы изучали акценты, молодежный сленг, азбуку для глухонемых. Высунув от усердия языки, рисовали обыкновенными ученическими ручками и химическими карандашами печати. Мы освоили езду на всех видах транспорта, включая верблюдов, ишаков и легкомоторные самолеты. Мы по миллиметрам ощупывали манекенов, обвешанных колокольчиками и специальными звуковыми датчиками, а потом с увлечением новичков лазили друг к другу в карманы, резали заточенными пятаками сумки и кошельки, за каждую украденную вещь набирая очки. Мы впитывали навыки десятков профессий. Попутно мы были стропальщиками, токарями, бухгалтерами, скотниками, киномеханиками, геодезистами и тому подобное. Мы получали зачеты за карманные кражи, взломанные двери и сейфы, распиленные решетки, бесшумное передвижение по расшатанным деревянным лестницам, прыжки из окон и с идущего полным ходом поезда и автомобиля, симуляцию обморока и эпилепсии, организацию схронов и тайников, профессиональное попрошайничество, игру на гитаре и губной гармошке, мимику

лица и жестикуляцию, уголовный жаргон и операторское мастерство.

Совершенно жестокими методами нас приучали к пунктуальности. Если было сказано явиться в столовую в 13:03, то надо было явиться в 13:03, плюс-минус две секунды. На третьей секунде стол убирался и приходилось оставаться голодным! Никакие уговоры, обещания и раскаяния не могли уравновесить этой секунды. Мы тренировали внимательность и память бесконечное число раз, перечисляя вид и расположение предметов в комнате, в которую случайно заскочили неделю назад! Легче сказать, что мы не делали! Иногда нам казалось, что из нас готовят актеров, иногда — профессиональных преступников.

Под стать предметам были преподаватели. Профессионалы в полном смысле слова.

Предмет «Карманные кражи» преподавал самый натуральный, с дореволюционным стажем, вор в законе. Абсолютно лысый, но с длинной, во всю грудь, седой бородой, с тонкими, как у выдающегося музыканта или хирурга, пальцами, с острым, как пика, языком.

— Дети, я хочу увидеть ваши инструмент, — так начал он с нами знакомство. — Я хочу знать, с чем мне придется иметь дело. Я прошу показать ваши пальчики. Положите руки на стол. И это называется пальцами? Что с вами сделала великая пролетарская революция?! Зачем она воткнула в эти руки серп и молот? Кому был нужен этот серп и молот? На что теперьгодны эти пальчики? Раньше люди ценили свой

инструмент, они тренировали его на фоне и скрипках. Они не хватались за клещи, если с этим могла справиться экономка. Я прошу вас, сделайте ваши пальчики вот так. А теперь так. Боже мой! Какое печальное зрелище! Наверное, этими пальцами можно варить сталь, рубить лес, класть кирпичи, наконец стрелять из карабина, но что делать такими пальцами в нашем интеллигентном деле? Я не знаю. Я хочу впасть в отчаяние и уйти. Время великих музыкантов и великих щипачей ушло безвозвратно, потому что не осталось достойного инструмента. Разве мог бы маэстро Паганини такими обрубками играть на скрипке? Разве мог бы Леня Крестовский вытащить из заднего кармана губернатора Киева золотой портсигар, в то время как тот безмятежно сидел на нем и на стуле в императорской ложе театра?!

Михалыч, так за глаза и в глаза звали мы своего преподавателя, свое дело помнил, хотя и перевалило ему в то время за семьдесят!

— Тренаж, тренаж и еще раз тренаж! Я хочу, чтобы ваши руки чувствовали колыхание воздуха от пролетевшей в соседней комнате бабочки! Подушечка пальца должна быть чувствительна, как натянутая на арфе струна. Тогда вы сможете сыграть такую симфонию, от которой у людей на глазах выступят слезы! Вы должны следить за своими ручками, как воспитанницы курсов благородных девиц за своей честью. Дети, что вы творите со своими руками! Вы ходите по морозу без перчаток, вы таскаете пудовые гири, простите, откусываете заусеницы

и грызете ногти! Вы безжалостно ломаете подаренный вам природой тончайший инструмент. Руки настоящего щипача должны быть взлелеяны и ухожены, как ручки дамы самого высшего света. Они должны быть ухожены лучше, чем ручка дамы высшего света! Ах, какие руки были в свое время у меня. Ни одна женщина не имела таких рук! И как я умел настраивать свой инструмент! Таким инструментом можно было творить чудеса. А вы ковыряетесь пальцами в носу. Молодежь! Стали бы вы ковыряться в носу микрометром или микроскопом?! Так ваши пальцы и есть ваш микрометр и ваш микроскоп! Что ты делаешь? Что тытворишь, негодный мальчишка! Так работать нельзя! Это, простите, карман, а не декольте на платье любимой девушки. И лезете вы не до трепещущей груди своей пассии, а до чужого кошелька. Согласитесь, это разные вещи. Я не скажу за вашу возлюбленную, но вряд ли ваши пальцы, щупающие сквозь карман чужое бедро, будут интересны тому прохожему. Я не могу поставить вам зачет. Миль пардон, любезнейший... Не имейте привычки отводить глаза, когда работаете клиента. Не надо прятать лицо. Боязнь привлекает внимание. Действуйте открыто, обаятельно, смело. Улыбайтесь в глаза, не бойтесь подарить человеку лишнюю толику радости, тем паче, что вашему клиенту скоро придется сильно загрустить по поводу безвременной утраты любимого гомонка. Улыбка рождает доверие, доверие притупляет бдительность. Любой сторонний человек, увидевший,

что вы лезете в карман с обаятельной улыбкой на устах, подумает, что это шутки добрых приятелей. Попробуйте то же самое сделать с мрачной физиономией! Не впадайте в панику, если вас поймали. Не теряйте своего человеческого и профессионального достоинства. Честь выше двух-трех лет, проведенных за решеткой. Прогрывайте красиво, и вас будут уважать. Мальчик, я дал тебе этот шарик не для того, чтобы ты игрался в пинг-понг. Я дал тебе этот шарик, чтобы ты разминал пальчики. Ты должен работать днем, вечером, ночью, сидя на горшке и в кабинете гражданина начальника. Тренируйте ваши руки, если хотите иметь успех. Миша Кронштадтский не выпустил шарик из рук даже тогда, когда красивые комиссары подвели его к стенке. И это, я вам скажу, были руки! Таких рук больше нет. Я видел вот этими своими глазами, как он протискивал пальцы в спичечный коробок, не раскрывая его! Он вытащил одну за другой три спички и имел феноменальный успех. Я не знаю, как он это делал, но я это видел!.. Если вы думаете, что взрезать сумку это то же самое, что отмахнуть кусок колбасы, значит вам здесь делать нечего. Сумка не колбаса! Как вы держите лезвие! Хотя, как еще можно держать нынешние лезвия? Когда-то давным-давно я имел удовольствие работать золингеновскими лезвиями. Это, скажу я вам, были лезвия! В сравнении с ними современный продукт напоминает никогда не точенный топор. Золинг резал, как песню пел, легко и нежно, словно горячий нож сливочное масло.